

Проблемы толкования норм Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации

М. П. ПРОНИНА – доцент кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук

Реферат

Статья посвящена одному из актуальных направлений юридической науки, связанному с проблемами толкования норм Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Толкование правовых норм – это деятельность государственных органов, негосударственных организаций, отдельных лиц по уяснению и разъяснению смысла правовых норм, вложенного в них законодателем, и действительного содержания находящихся в них правовых положений (предписаний, определений) в целях их правильной реализации и повышения эффективности правового регулирования общественных отношений.

Толкование правовых норм представляет собой сложный волевой процесс, направленный на установление точного смысла нормы права. Данный процесс состоит из двух элементов: 1) толкующий субъект (интерпретатор) уясняет содержание правовой нормы для себя; 2) затем в целях установления одинакового ее понимания и применения разъясняет смысл правового предписания всем заинтересованным лицам.

Первая часть этой деятельности – уяснение – характеризует гносеологическую природу толкования, направленную на познание права. Уяснение выступает как мыслительный процесс, происходящий в сознании субъекта, применяющего норму права. Разъяснение – вторая часть единого процесса толкования права, адресованная другим участникам отношений. Оно осуществляется компетентными органами и лицами для того, чтобы устранить неясности в понимании содержания нормы и обеспечить таким образом правильное ее применение к тем обстоятельствам, на которые она рассчитана.

Субъектами толкования могут выступать государственные органы, должностные лица, организации, предприятия, учреждения, физические лица. Объектами толкования выступают законы и подзаконные акты.

Юридическое толкование является деятельностью, которая с практической стороны связана с завершением регулирования жизненных отношений законом. Юридические нормы в результате толкования становятся готовыми к реализации, практическому осуществлению.

В представленной научной статье изучаются трактовки, даваемые высшей судебной инстанцией, которые показали, что они в ряде случаев содержат противоречия, нарушающие юридико-технические правила. Приводятся примеры толкования постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам и предлагаются авторские редакции.

К л ю ч е в ы е с л о в а : юридическая техника; уголовное законодательство; толкование; норма; состав преступления.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Problems of interpretation the norms of General part of the Criminal Code of the Russian Federation

M. P. PRONINA – Associate Professor of the Department of Civil Law and Process of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. in Law

Abstract

The article is devoted to one of the current areas of legal science related to the problems of interpretation the norms of General Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

The interpretation of legal norms is the activity of state bodies, non-governmental organizations and individuals to clarify and explain the meaning of legal norms embedded by the legislator in them and the actual content of the legal provisions (regulations, definitions) contained in them in order to implement them correctly and improve the effectiveness of legal regulation public relations.

The interpretation of legal norms is a complex volitional process aimed at establishing the exact meaning of the rule of law. This process consists of two elements: 1) the interpreter (interpreter) clarifies the content of the legal norm for himself; 2) then in order to establish its equal understanding and application it clarifies the meaning of the legal prescription to all interested parties.

The first part of this activity – clarification – characterizes the epistemological nature of interpretation aimed at the knowledge of law. Understanding acts as a thought process taking place in the mind of the subject applying the rule of law. The explanation is the second part of a unified process of interpretation the law addressed to other parties to a relationship. It is carried out by the competent authorities and persons in order to eliminate ambiguities in understanding the content of the norm and thus ensure its correct application to the circumstances for which it is aimed.

Subjects of interpretation may be public authorities, officials, organizations, enterprises, institutions, individuals. The objects of interpretation are laws and regulations.

Legal interpretation is an activity that from a practical point of view is connected with the completion of the regulation of life relations by law. Legal norms as a result of interpretation become ready for implementation, practical implementation.

The presented scientific article examines the interpretations given by the highest judicial instance, which showed that in some cases they contain contradictions that violate the legal and technical rules. Examples of the interpretation of criminal court decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are given, and author's editions are proposed.

Key words: legal technique; criminal legislation; interpretation; norm; corpus delicti.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Применение уголовного закона невозможно без разъяснения его содержания, то есть уяснения смысла заложенных правовых положений в точном соответствии с волей законодателя, поэтому возникает необходимость обратить внимание на правоприменительное толкование, имеющее точки соприкосновения со всеми элементами юридической техники. Не подлежит сомнению, что важное значение в процессе правоприменения имеет разъясняющая практика высшей судебной инстанции – Верховного Суда Российской Федерации, который в своих постановлениях на основании исследования и обобщения судебной практики дает толкование правовых норм.

Исследование постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации показало, что они не отличаются совершенством: в ряде случаев противоречат друг другу, изобилуют технико-юридическими ошибками, то есть имеют изъяны, отрицательно влияющие на результативность правоприменительной деятельности и юридической техники [5]. Именно поэтому объектом нашего внимания станут коллизии и «прецеденты»¹ [2, с. 3] толкования, выступа-

ющие в качестве собственного продукта интерпретационной деятельности [3, с. 146]. Их выявление и изучение позволят разработать юридико-технические механизмы правоприменительной деятельности, помогут разрешить и объяснить их соответствие основным идеям и принципам уголовного права, а также определить основные направления уголовной политики.

В этой связи считаем методологически обоснованным исследовать заявленные выше вопросы применительно к системе уголовного законодательства, в частности рассмотрим проблемы толкования норм Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Изучение трактовок, даваемых высшей судебной инстанцией, показало, что они в ряде случаев содержат противоречия, нарушающие юридико-технические правила. Примером может служить институт соучастия. Так, спорным видится содержание п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», раскрывающего признаки совершения вышеназванных преступлений в составе группы лиц по предварительному сговору.

Пленум делает акцент на трех критериально-образующих признаках, составляющих рас-

¹ Термин «прецедент толкования правовой нормы» введен в научный оборот А. Б. Венгеровым для обозначения высшей судебной интерпретационной деятельности, диктующей условия для нижестоящих судов.

сма­три­вае­мый вид соучастия: это количе­ственный критерий (два или более лиц), наличие предварительной договоренности на совершение деяния и возможность выполнения объективной стороны, то есть изъятия имущества хотя бы одним из участников, при условии, если другие соучастники способствовали непосредственному исполнителю, например, устранением препятствий, вывозом похищенного и т. п. По мнению интерпретатора, данное поведение является соисполнительством и не требует ссылки на ст. 33 УК РФ.

Однако положения ч. 2 ст. 35 УК РФ не дают разъяснения соисполнительству в этом виде соучастия, что предполагает необходимость его толкования как в простой группе. Таким образом, соисполнителями могут быть только те лица, которые частично или полностью выполняли объективную сторону [6]. Это правило прямо закреплено в ч. 2 ст. 33 УК РФ. К такому выводу позволяет прийти как грамматическое, так и систематическое толкование положений ч. 1 ст. 35 и ч. 2 ст. 33 УК РФ, а также мнение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, закрепленное в ранее принятом постановлении от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» (ст. 105 УК РФ). Так, в п. 10 рассматриваемого интерпретационного акта отмечено, что действия других соучастников преступлений, не выполнявших объективную сторону, не образуют соисполнительства. Как отметили в одной из своих научных работ Л. Л. Кругликов и Ю. Г. Зуев, в указанном судебном акте допущена грубейшая ошибка, так как распределение ролей свидетельствует не о соисполнительстве, а о самостоятельной разновидности группового преступления, отличающиеся от рассматриваемого вида по объективным признакам [4, с. 8]. Полностью разделяем высказанную точку зрения. По нашему мнению, непосредственное совершение преступления, о чем говорится в ч. 2 ст. 33 УК РФ, не может охватывать действия, не входящие в объективную сторону деяния, а лишь способствующие его совершению, на что сделан акцент в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», приводя в качестве примера обеспечение безопасности места совершения хищения. Так как данные действия не являются необходимым, то есть обязательным элементом совершения деяния и, соответственно, не входят в объективную сторону состава преступления,

они могут быть оценены лишь как форма пособничества, что требует применения ст. 33 УК РФ при квалификации [6].

Все это доказывает, что при разделении ролей при совершении преступления в составе группы лиц по предварительному сговору требуется ссылка на ст. 33 УК РФ, за исключением действий непосредственного исполнителя (исполнителей). Именно такой подход приведет судебно-следственную практику, а также интерпретационную деятельность к единообразию.

На основании изложенного предлагаем следующую редакцию п. 10 указанного судебного акта: *«Исходя из смысла ч. 2 ст. 35 УК РФ уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступают и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них или совместно. Если другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими не является соисполнительством и в силу ч. 3 ст. 34 УК РФ требует дополнительной квалификации по ст. 33 УК РФ».*

Реализация данного положения позволит более четко определить и разграничить признаки исполнителя и пособника. Исполнитель, являясь ключевой фигурой соучастия, исходя из выполняемой им роли исключает непосредственное участие в выполнении объективной стороны других соучастников преступления, хотя современное направление уголовной политики выводит роль пособника на принципиально иной уровень уголовно-правового значения. В первую очередь об этом свидетельствует наступательная криминализация действий пособников в самостоятельных нормах Особенной части УК РФ (например, ст. 205¹ и 291¹, ч. 2 ст. 361 УК РФ).

Основная суть пособничества закреплена в ч. 5 ст. 33 УК РФ, где дан закрытый перечень признаков и действий, что предполагает недопущение их расширительного толкования. В частности, к ним отнесены: дача советов, указаний, предоставление

информации, средств или орудий совершения преступления, устранение препятствий, обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а также приобрести или сбыть такие предметы. Мнение о том, что перечень вышеуказанных действий должен быть четко закреплен в законе, разделяет 61 % проанкетированных респондентов.

Однако судебная практика пренебрегает законодательным решением. Причем это встречается не в единичных случаях. Особо дискуссионными сегодня выглядят положения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве». Ошибочным следует признать положение, закрепленное в п. 10, дающее возможность действия, четко попадающего под признаки пособничества, рассматривать как соисполнительство при условии невыполнения данным субъектом даже частично объективной стороны и относить к таким действиям, например, подавление сопротивления потерпевшего. В то же время такая форма способствования совершению деяния, как передача оружия исполнителю, безапелляционно рассматривается Верховным Судом Российской Федерации как пособничество. И здесь необходимо полностью поддержать позицию М. А. Саблиной в вопросе о том, что же больше способствует достижению преступной цели – передача оружия или удержание жертвы [11]. По мнению 57 % проанкетированных М. А. Саблиной респондентов, передача оружия в большей степени способствовала совершению преступления, чем непосредственное удержание жертвы. Считаем возможным согласиться с данной точкой зрения.

Противоречивость предлагаемого Пленумом Верховного Суда Российской Федерации подхода обосновывается и буквальным толкованием диспозиции ст. 105 УК РФ, четко указывающей на необходимость совершения исполнителем (соисполнителем) действий, прямо направленных на причинение смерти потерпевшему, поэтому любое иное способствование образует пособничество, а не соисполнительство [1].

Однако в ряде случаев пособничество в форме применения насилия или угрозы его применения должно рассматриваться как соисполнительство, а не пособничество. Сформулированная правовая оценка прямо вытекает из содержания отдельных норм уголовного закона. Примером могут

служить посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Так, в ст. 131 и 132 УК РФ в качестве обязательного признака выступает применение насилия либо угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья, что предполагает возможность разделения ролей на субъекта, непосредственно выполняющего объективную сторону, то есть половой акт, акт мужеложства, лесбиянства либо иных действий сексуального характера, и лицо, применяющее насилие или угрожающее насилием. Рассматриваемая позиция вполне оправданно нашла свое закрепление в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Объясняется это тем, что насилие является неотъемлемой частью данных преступлений, в отличие от деяния, закрепленного в ст. 105 УК РФ.

На основании изложенного предлагаем новую редакцию абз. 2 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве»: «Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, *то есть каждый из них частично или полностью выполнял объективную сторону*, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из виновных. Убийство следует признавать совершенным группой лиц и в том случае, когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное причинение смерти, к нему с той же целью присоединилось другое лицо (другие лица) *и частично или полностью выполнял(и) объективную сторону. Действия, направленные на подавление сопротивления потерпевшего путем лишения его возможности защищаться и не входящие в объективную сторону ст. 105 УК РФ, в целях причинения ему смертельных повреждений другим соучастником являются пособничеством в совершении убийства и при квалификации преступления требуют ссылки на ч. 5 ст. 33 УК РФ*».

Продолжая исследование проблем судебного толкования положений УК РФ, обращаем внимание на пробелы в определении момента окончания ряда общественно опасных деяний, имеющих общие сходства по типам составов преступлений, однако, по

мнению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, различающихся по стадиям их завершенности.

В частности, ведутся оживленные дискуссии о моменте окончания деяний, сопряженных с незаконным оборотом наркотиков в случае сопровождения оперативными службами [7, с. 27]. Учитывая, что рассматриваемые составы преступлений являются формальными, то есть считаются оконченными с момента непосредственного совершения самого деяния, для признания сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов не требуется наступление того результата, к которому стремится субъект преступления. Данная точка зрения превагирует в доктрине уголовного права вполне оправданно [7].

Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» в первоначальной редакции изложил принципиально иную позицию, идущую в разрез с общепризнанными идеями уголовного права, при этом не предложив каких-либо должных аргументов в поддержку своей точки зрения. Так, по непонятным для научного сообщества причинам в п. 13 постановления содержалась рекомендация квалифицировать деяния, сопряженные со сбытом запрещенного к обороту предмета, осуществляемые в ходе проверочной закупки, проводимой субъектами правоохранительных органов со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ, как покушение на преступление. Идея такого интерпретационного подхода исходила из того, что в данных случаях предмет преступления всегда выводится из незаконного оборота, что предполагает невозможность распоряжения им.

Возвращаясь к вопросу о разновидности состава преступления, закрепленного в ст. 228¹ УК РФ, и отнесении его по законодательной конструкции (по моменту окончания) к формальному, отметим, что приведенные выводы являются не только необоснованными, но и противоречащими учению о составе преступления. Подтверждается это и содержанием субъективной стороны преступления, совершаемого исключительно только в форме прямого умысла, при котором виновный осознает общественную опасность деяния и желает его совершить, то есть таким образом действовать. Сопоставив это с положениями ст. 228¹ УК РФ, приходим к выводу, что действия

субъекта преступления направлены исключительно на сбыт наркотиков и их дальнейшая судьба для него не имеет никакого значения [8]. Возможность или невозможность распоряжения предметом преступления со стороны лица, покупающего наркотические средства, даже в условиях контрольной закупки находится за рамками как объективной, так и субъективной сторон ст. 228¹ УК РФ и поэтому на квалификацию влиять не может [12]. Понимая высокий уровень дискусионности мнения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, мы предложили респондентам следующее: «Выберите из предложенных ниже вариантов момент окончания сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в рамках ст. 228¹ УК РФ».

В доктрине также нет единства по рассматриваемой проблеме толкования положений ст. 228¹ УК РФ в части определения момента окончания сбыта указанных в ней предметов.

Ряд ученых (и их меньшинство) считают, что пресечение преступления на моменте сбыта даже после установления самого этого факта исключает возможность дальнейшего оборота предмета противоправного деяния, что исключает возможность причинения вреда здоровью населения. По их мнению, для оконченности сбыта необходимо создание реальной опасности для объекта преступления, что отсутствует при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Именно поэтому деяние и должно было быть оценено как неоконченное [10, с. 65].

Другая группа исследователей соотносит момент окончания преступления с самим фактом передачи предмета преступления [9]. В поддержку данной позиции приведем следующие аргументы.

Во-первых, говоря о сбыте, необходимо учитывать тот факт, что 90 % такой противоправной деятельности носит возмездный характер [7, с. 27] и осуществляется путем купли-продажи. Обратившись к положениям ст. 432 ГК РФ, видим, что такая форма сделки считается завершенной с момента достижения сторонами соглашения по всем условиям договора, заключаемого в том числе и в устной форме. Это дает нам основание аргументированно утверждать, что сбыт наркотических средств окончен с момента принятия покупателем предмета сделки и свидетельствует о полной реализации умысла виновного.

Во-вторых, не нужно забывать то, что объективная сторона ст. 228¹ УК РФ сформи-

рована по типу формального состава преступления и деяние, в ней закрепленное, совершается только в форме прямого умысла. Все это указывает на отсутствие второго интеллектуального признака, отвечающего за предвидение наступления общественно опасных последствий, что свидетельствует о том, что виновному безразлична дальнейшая судьба передаваемого предмета и никаких дополнительных целей он не преследует.

Проблемность высказанного ранее Пленумом подхода подтверждается еще и тем, что у Верховного Суда Российской Федерации в его разъяснениях обнаруживается полярность подходов в определении моментов окончания преступлений, сформированных по типу формальных составов.

Примером могут служить Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», где в п. 10 отмечено, что получение или дача взятки считаются оконченными с момента принятия специальным субъектом хотя бы части предмета преступления. При этом делается очень важное, по нашему мнению, уточнение, указывающее на то, что на окончательность деяния не влияет наличие или отсутствие у виновного реальной возможности по распоряжению переданными ценностями. Следует подчеркнуть, что выявляемость коррупционных деяний, как и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, всегда сопряжена с проведением целого комплекса оперативно-розыскных мероприятий, и факт получения или передачи незаконных вознаграждений всегда происходит под контролем специальных служб. Это указывает еще на одно сходство изучаемых составов преступлений. Такая позиция была сформулирована через семь лет после принятия рассматриваемого постановления, что, по нашему мнению, свидетельствует об изменении мнения Пленума Верховного Суда Российской Федерации с учетом новых направлений уголовной политики, и данная точка зрения должна стать унифицированной.

Проведенное исследование, основанное на научной аргументации, позволило предложить следующие механизмы снятия рассогласований, имеющих в интерпретационных актах, издаваемых Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, путем внесения изменений в редакции следующих постановлений:

1) от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»:

– п. 10: *«Исходя из смысла ч. 2 ст. 35 УК РФ уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них или совместно. Если другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими не является соисполнительством и в силу ч. 3 ст. 34 УК РФ требует дополнительной квалификации по ст. 33 УК РФ»;*

– п. 14.1 дополнить предложением следующего содержания: *«При этом действия лица, причинившего тяжкий вред здоровью потерпевшего, повлекшие по неосторожности его смерть, квалифицируются также по ч. 4 ст. 111 УК РФ»;*

2) от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»:

– абз. 1 п. 7 дополнить предложением следующего содержания: *«К беспомощному состоянию также относится состояние опьянения, степень которого лишает потерпевшего возможности осознавать характер совершаемых с ним действий либо оказывать активное сопротивление виновному или защищать себя»;*

– п. 7 дополнить абзацем следующего содержания: *«Малолетний может быть отнесен к категории лиц, находящихся в беспомощном состоянии, при обязательном установлении его психического состояния, исключающего возможность осознавать характер совершаемых с ним действий. В случае наличия у малолетнего лица реальной возможности осознавать характер таких действий и оказывать активное сопротивление или защищать себя, признак беспомощности отсутствует»;*

– п. 10: *«Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, то есть каждый из них частично или полностью выполнял объективную сторону, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения,*

повлекшие смерть, были причинены каждым из виновных. Убийство следует признавать совершенным группой лиц и в том случае, когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное причинение смерти, к нему с той же целью присоединилось другое лицо (другие лица) и частично или полностью выполнял(и) объективную сторону. Действия, направленные на подавление сопротивления потерпевшего путем лишения его возможности защищаться и не входящие в объективную сторону ст. 105 УК РФ, в целях причинения потерпевшему смертельных повреждений другим соучастником являются пособничеством в совершении убийства и при квалификации преступления требуют ссылки на ч. 5 ст. 33 УК РФ»;

– абз. 3 п. 11: «Как сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений. Содеянное в таких случаях полностью охватывается п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ и дополнительной квалификации не требует»;

3) от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»:

– п. 5 дополнить абзацем следующего содержания: «Малолетний может быть отнесен к

категории лиц, находящихся в беспомощном состоянии, при обязательном установлении его психического состояния, исключающего возможность осознавать характер совершаемых с ним действий. В случае наличия у малолетнего лица реальной возможности осознавать характер таких действий и оказывать активное сопротивление или защищать себя признак беспомощности отсутствует»;

– п. 17 дополнить абзацем следующего содержания: «В случае совершения развратных действий с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») в отношении неопределенного круга лиц, действия виновного квалифицируются по п. “б” ч. 3 ст. 242 УК РФ»;

4) от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»:

– дополнить подп. «д» п. 2: «лицо, которое ранее не более одного раза было освобождено от уголовной ответственности. Наличие факта применения к одному и тому же лицу двух или более оснований освобождения от уголовной ответственности свидетельствует о криминальной направленности личности и указывает на то, что оно не перестало быть общественно опасным».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бриллиантов А. В., Яни П. С. Применение норм о соучастии: аналогия или толкование? // Законность. 2013. № 6. С. 32–33.
2. Венгеров А. Б. О прецеденте толкования правовой нормы // Ученые записки Всесоюз. науч.-исследоват. ин-та совет. законодательства. 1966. Вып. 6. С. 3–19.
3. Гаврилов Д. А. Правоприменительное толкование : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.
4. Кругликов Л. Л., Зуев Ю. Г. Новое постановление пленума по делам о хищениях: удаchi и просчеты // Актуальные проблемы дифференциации ответственности и законодательная техника в уголовном праве и процессе : сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль, 2003. С. 3–19.
5. Кузнецов А. П., Ситникова М. Л., Степанов М. В. Толкование Пленумом Верховного Суда РФ уголовного законодательства об ответственности за хищения // Рос. судья. 2006. № 2. С. 12–15.
6. Лопашенко Н. А. Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ по хищениям // Законность. 2003. № 3. С. 31–35.
7. Ошлыкова Е. Предмет доказывания по уголовным делам о незаконном сбыте наркотических средств // Уголов. право. 2010. № 1. С. 25–29.
8. Пантюхина И. В. Спорные вопросы квалификации преступлений по признакам их оконченности // Юрид. наука. 2011. № 2. С. 52–56.
9. Прохорова М. Л., Ключев А. А. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере противодействия наркотизму и судебная практика // Уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия наркотизации общества : материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 130-летию Белгород. гос. ун-та / отв. ред. Е. Е. Тонков. Белгород, 2006. С. 23–24.
10. Редин М. Вопросы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, по степени их завершенности // Уголов. право. 2007. № 2. С. 64–67.
11. Саблина М. А. Разграничение ролей исполнителя и пособника: закон и правоприменение // Право. Журн. Высш. школы экономики. 2015. № 1. С. 91–104.
12. Тонков В. Е. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»: некоторые особенности // Рос. судья. 2006. № 11. С. 7–10.

REFERENCES

1. Brilliantov A. V., Yani P. S. Primenenie norm o souchastii: analogiya ili tolkovanie? [Application of norms of complicity: analogy or interpretation?]. Zakonnost' – Legality. 2013. Iss. 6. Pp. 32–33. (In Russ.).

2. Vengerov A. B. O precedente tolkovaniya pravovoj normy [About the precedent of interpretation of the legal norm]. Uchenye zapiski Vsesoyuz. nauch.-issledovat. in-ta sovet. zakonodatel'stva – Scientific notes of the All-Union Scientific Research Institute of Soviet legislation. 1996. Iss. 6. Pp. 3–19. (In Russ.).
3. Gavrilov D. A. Pravoprimeritel'noe tolkovanie : dis. ... kand. yurid. nauk [Law enforcement interpretation : the diss. ... PhD. in Law]. Volgograd, 2000. (In Russ.).
4. Kruglikov L. L., Zuev YU. G. Novoe postanovlenie plenuma po delam o hishcheniyah: udachi i proschety [New Plenum Resolution on theft cases: successes and miscouunts]. Aktual'nye problemy differenciacii otvetstvennosti i zakonodatel'naya tekhnika v ugovolnom prave i processe : sb. nauch. st. / pod red. L. L. Kruglikova – Actual problems of differentiation of responsibility and legislative technique in criminal law and process : collection of scientific articles : ed. by L. L. Kruglikov. Yaroslavl, 2003. Pp. 3–19. (In Russ.).
5. Kuznecov A. P., Sitnikova M. L., Stepanov M. V. Tolkovanie Plenumom Verhovnogo Suda RF ugovolnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za hishcheniya [Interpretation by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of criminal legislation on responsibility for theft]. Ros. sud'ya – Russian judge. 2006. Iss. 2. Pp. 12–15. (In Russ.).
6. Lopashenko N. A. Novoe postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF po hishcheniyam [New Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on theft]. Zakonnost' – Legality. 2003. Iss. 3. Pp. 31–35. (In Russ.).
7. Oshlykova E. Predmet dokazyvaniya po ugovolnym delam o nezakonnom sbyte narkoticheskikh sredstv [Proof in criminal cases of illegal sale of drugs]. Ugolov. pravo – Criminal Law. 2010. Iss. 1. Pp. 25–29. (In Russ.).
8. Pantyuhina I. V. Spornye voprosy kvalifikacii prestuplenij po priznakam ih okonchennosti [The controversial issues of qualifying crimes on the basis of their finality]. YUrid. nauka – Legal science. 2011. Iss. 2. Pp. 52–56. (In Russ.).
9. Prohorova M. L., Klyuev A. A. Ugolovno-pravovaya politika Rossijskoj Federacii v sfere protivodejstviya narkotizmu i sudebnaya praktika [Criminal and legal policy of the Russian Federation in the field of combating narcotism and judicial practice]. Ugolovnaya politika Rossijskoj Federacii v sfere protivodejstviya narkotizacii obshchestva : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 130-letiyu Belgorod. gos. un-ta / otv. red. E. E. Tonkov – Criminal policy of the Russian Federation in the field of counteracting the drug addiction of society : materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 130th anniversary of Belgorod State University : ed. by E. E. Tonkov. Belgorod, 2006. Pp. 23–24. (In Russ.).
10. Redin M. Voprosy kvalifikacii prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkotikov, po stepeni ih zavershennosti [Issues of qualification of crimes related to drug trafficking, by the degree of their completion]. Ugolov. pravo – Criminal law. 2007. Iss. 2. Pp. 64–74. (In Russ.).
11. Sablina M. A. Razgranichenie rolej ispolnitelya i posobnika: zakon i pravoprimerenie [Differentiation of the roles of the performer and the accomplice: law and enforcement]. Pravo. ZHurn. Vyssh. shkoly ekonomiki – Right. Journal of Higher School of Economics. 2015. Iss. 1. Pp. 91–104. (In Russ.).
12. Tonkov V. E. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, svyazannyh s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnymi, sil'nodejstvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami»: nekotorye osobennosti [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On Judicial Practice in Cases of Crimes Related to Narcotic Drugs, Psychotropic, Potent and Poisonous Substances»: Some Features]. Ros. sud'ya – Russian judge. 2011. Iss. 11. Pp. 7–10. (In Russ.).